

ПЕРВЫЙ МАТЧ Эстония—Ленинград по индивидуальному ориентированию, 1960 г.

Когда ленинградцы предложили увеличить контрольное время с пяти до шести часов, эстонцы искренне удивились и не дали своего согласия.

Казалось, пять часов — срок, достаточный для того, чтобы мужчины успели пройти маршрут в заданном направлении протяженностью 15 км с шестью контрольными пунктами, а женщины — 7 км с четырьмя контрольными пунктами. Но ленинградцы беспокоились не зря. Соревнования проводились в районе Лемболовских высот, сильно пересеченном, насыщенном чащобами, болотами и небольшими озерами, возле которых так удобно ставить “трудные” контрольные пункты.

Стартовали по двое, по одному представителю от команды. Маршруты у одновременно стартующих были разные. Мне выпал второй номер, моим напарником оказался таллинский инженер А. Вило — № 1.

Флажки, которыми помечен путь от старта до места получения карты, уходят вверх на косогор. Где-то там их цепочка неожиданно оборвется, и судья вручит карту с нанесенными на нее контрольными пунктами. Об их расположении участникам предварительно ничего не известно, эта неопределенность порождает волнение.

После старта я пропускаю А. Вило вперед: хочется посмотреть, как бегают наши соперники. Он легко берет подъем и к моменту получения карты выигрывает у меня сорок метров. На тренировке я пробегал 16 км за 46 минут, некоторые из нашей команды проходили эту дистанцию за 36—37 минут. Очевидно, соперники отлично физически подготовились к этому матчу и поэтому отказались от увеличения контрольного срока. Удастся ли скомпенсировать преимущество эстонцев в скорости более точным ориентированием, более верным выбором маршрута?

Мой первый контрольный пункт расположен вблизи слияния ручьев Руслан и Олонец. До него километра три. Я допускаю ошибку, в спокойной обстановке совершенно очевидную: бегу вдоль ручья по заболоченной чащобе, вместо того чтобы взять чуть севернее и выйти на лесную дорогу. Расплата приходит незамедлительно. У контрольного пункта меня догоняет капитан команды Эстонии И. Каск — № 7. После соревнований выяснилось, что количество разных маршрутов, примерно одинаковых по сложности, соответствовало числу соревнующихся пар. И некапитану ленинградской команды выпал один маршрут с капитаном эстонской. И. Каск бежит технично, высоко поднимая бедро. Он не турист, но занимается “ориентировочным спортом”. И хотя он мне нравится, такая встреча не радует: он стартовал позже, я проигрываю ему уже 9 минут. Но горячиться не следует, это может привести к ошибке в ориентировании. Надо бежать чуть слабее своих физических возможностей, бежать с такой скоростью, чтобы почти не замечать нагрузки. Желание увеличить темп бега удастся подавить с трудом.

Следующий контрольный пункт расположен в истоках безымянного ручья. К нему можно пройти двумя лесными дорогами. Лесная дорога — ненадежный ориентир, она может неожиданно потеряться в чаще леса. Выбираю ту, что несколько длиннее, но проходит вблизи впадения ручья Олонец в реку Кожичу, если дорога потеряется, контрольный пункт можно будет искать и от этого места. Выхожу в район контрольного пункта и снова встречаю “семерку”. И. Каск, очевидно, благополучно прошел по более короткой дороге. Пытаюсь отыскать нуж-

ный мне ручей, но его верховье теряется в болоте. Беру за привязку мостик на дороге и, наконец, выхожу к контролерской палатке. Мой соперник уже побывал здесь.

На тренировке за неделю перед соревнованиями я повредил коленный сустав, но отнесся к этому легкомысленно. Уже на первых километрах я понял, что это мне дорого обойдется: местность сильно пересеченная. Но зачет — по всем стартовавшим участникам, надо уложиться хотя бы в контрольное время.

По пути на следующий контрольный пункт я встретил А. Вило. Мы приветствовали друг друга как старые знакомые. К тому времени, как выяснилось позже, он успел пройти уже четыре контрольных пункта!

Мой третий контрольный пункт был достаточно сложным. Он располагался возле небольшого озера диаметром около ста метров. Необходимо было вовремя свернуть с дороги, чтобы затем по азимуту выйти к этому озеру, ориентиром мог служить лишь небольшой поворот дороги. “Семерка” успела и там побывать раньше меня.

Следующий контрольный пункт находился на высоте 101. До нее можно было добраться либо напрямик через лес, либо по дороге, сделав при этом лишних полкилометра. Я выбрал второй путь. Судя по карте, путь напрямик лежал через заболоченный лес. Один километр по заболоченному лесу отнимет 15 минут, а полуторакилометровый обход при среднем темпе бега займет 7 минут, причем на дороге легче ориентироваться. На этом участке я неожиданно обошел “семерку”. Как выяснилось после соревнований, он шел напрямик.

Предпоследний контрольный пункт располагался на излучине старого русла ручья Прыткого. Долина его заросла и заболотилась. Туда вела лесная дорога. Если покинуть ее раньше времени, придется добираться до нужной излучины по чаще, теряя драгоценные минуты. Если позже, то велика опасность проскочить старое русло и выйти на основное, и вовсе залутаться, приняв основное за старое. Вот и отвилка лесной дороги на запад, за ней должна следовать отвилка дороги на восток. Однако она подозрительно долго не появляется. Нужно быть внимательным. Вот дорога слегка поворачивает, обходя болотце. Поворот показан на карте за отвилкой, она, очевидно, заросла, — пора идти к ручью. Оглядываюсь и вижу — “семерка” буквально в метре от меня. Каск продолжает бежать технично, но бедро поднимает уже не столь высоко. Ему пришлось постараться, чтобы наверстать время, потраченное на поиски предыдущего контрольного пункта, и он подустал. Я останавливаюсь, чтобы покинуть дорогу, он пробегает дальше. Это действует на нервы. Кто-то ошибся. Но кто? Возможно, он слишком спешил и не уделил достаточного внимания ориентированию? Может, он ищет отвилку лесной дороги, которая заросла? А может быть, я чего-то не учел? Иду на север, продираясь сквозь густой кустарник. Ручей появляется неожиданно. Затененная деревьями, его вода не блестит, а чернеет. Пока контролер делает отметку на моей карте о прохождении маршрута, жую глюкозу, делаю глоток воды. Приближаюсь решительные минуты борьбы: последний контрольный пункт, последние километры. Каск хит и устал, но сил у него, пожалуй, хватит, чтобы бежать быстрее меня. Как скоро он обнаружит свою ошибку? У него в запасе 9 минут. Удастся ли мне “оторваться” от него? Не ошибиться бы самому. Именно в конце, не выдержав морального напряжения, чаще всего сбиваются с правильного пути и затем теряют много сил и времени, чтобы определить свое местонахождение.

Последний контрольный пункт помечен на высоте 106. По прямой до нее 750 метров, но можно пробежать и по дороге, путь при этом, правда, удвоится. Я уже откровенно хромаю. Решаю идти напрямик: высота — очень хороший ориентир, путь проходит по ровному редколесью, пусть нога отдохнет от бега перед заключительным этапом борьбы. Беру чуть западнее, чтобы выйти из чащи и — это просто поразительно, снова встречаю “семерку”. Мы бежим молча рядом. “Отметился он на предпоследнем контрольном пункте или нет?” — такая мысль заботит и меня, и, очевидно, его. Каск поглядывает на восток, а не на север — в сторону высоты и бежит не столь быстро, как мог бы. Пожалуй, он все-таки ошибся при ориентировании.

А в это время в районе своего последнего контрольного пункта бродит А. Вило — мой “напарник”, у него испортился компас.

Мне везет. Я неожиданно выхожу на просеку, идущую по направлению к контрольному пункту, она не помечена на карте. Буйные заросли малины и крапивы мешают быстрому продвижению: наша спортивная форма состоит из футболок и трусов. Вот основное русло ручья Прыткого. Перехожу его вброд, высоко подняв карту и компас. Это уже шестая переправа. У моего правого бедра отклеилась подошва. Вот и высота. Склоны ее круты. Поднимаюсь шагом. На контрольном пункте узнаю: “семерка” не отмечалась, мой соперник отстал. Но на сколько? У него 9 минут в запасе.

Теперь пора выложить остаток сил и развить максимальную скорость. Больное колено совсем разболталось. На крутом спуске дважды падаю: подворачивается нога. Лопнула шнуровка опять-таки у правого бедра, но времени нет на остановку. Последние три километра — по лесной дороге. Дорога каждая минута. Уже вижу то место, где нам выдавали карты. Срезая изгиб дороги, прихрамывая, иду прямо к финишу через чащу. Последняя переправа через ручей. Впереди финишные флаги. Пытаюсь увеличить скорость. Финиш. Меня подхватывают под руки мои товарищи. Подходят врач, судьи. Оказывается, Вило уже финишировал. Его время — 2:25:50, я проиграл ему 8 минут 22 секунды. Около своего последнего контрольного пункта он встретил участника из нашей команды Д. Максимчука, сошедшего с дистанции, тот одолжил ему свой компас, — спортивная борьба не похемка для дружеской взаимопомощи. Следующим на финише был Каск. Он потерял на поиск предпоследнего контрольного пункта 40 минут, его время 3:03:29. Далее в десять минут укладываются результаты трех спортсменов: М. Аруя (Эстония), А. Котова и Л. Белякова (Ленинград). Пока мужская команда Эстонии выигрывает.

Однако исход спортивной борьбы решили ленинградские девушки: они заняли первые четыре места. Лучшее время показала Т. Тришина — 3:25:34. Следом за ней финишировали: Р. Казакевич — 3:35:33, В. Муравьева — 3:41:45, Н. Николаева — 3:43:20. Пятое и шестое места заняли представители команды Эстонии: К. Калдвее — 3:48:11 и М. Салласте — 4:05:23.

К контрольному сроку опоздали два участника из команды Ленинграда и четверо из команды Эстонии.

Спортивная борьба была напряженной. Но это не помешало укреплению нашей дружбы. Прощались мы очень тепло, как добрые товарищи, которым предстоит недолгая разлука.

Б. Полоскин,
мастер спорта по туризму, 1960 г.
(публикуется впервые)

В ПЕРВЫЕ

Я подходил к тридцатилетнему рубежу — к тому возрасту, когда спортсмена принято считать перспективным. В соревнованиях по ориентированию на родной земле было уже довольно много побед, но попробовать свои силы за границей все не удавалось, и я подумывал с грустью, что и не удастся. Как вдруг железный занавес слегка приподнялся, и мы, группа из трех человек: Григорий Усыскин (руководитель), Дмитрий Максимчук и я, впервые оказались за границей, в Польше. Планировалось наше участие в Общепольском походе (Огульно-польский райд) и в открытом первенстве страны по ориентированию. Стояло жаркое лето 1961 года. По-моему, это был первый выезд российских ориентировщиков за рубеж, и нам, ленинградцам, впервые довелось попробовать свои силы на "иностранной" земле. А надо сказать, что мои товарищи по команде были постарше меня. Дима был заведующим отделом туризма и краеведения во Дворце пионеров. На такой работе мыш не накачаешь, у него уже наматился животик.

Нас настраивали на то, что поляки недружелюбно относятся к русским, памятью наши сложные исторические отношения. Мы с самого начала готовились только к спортивной борьбе. Но "райд" проходил шумно и весело, с кострами, с песнями. Нас подключили к группе, которую вела рослая статная женщина — Джута. Переводчицей была изящная лукавая Магда. А еще в группе были две красавицы: Данка и Агнешка — блондинка и брюнетка. Правда, их бергли, как национальное достояние, днем от них ни на шаг не отходили их молодые "охранники".

Мне кажется, что отношения с людьми другой страны прежде всего зависят от твоего поведения. Показателем являются дети. На стоянках они облепляли нас и старались все сделать за нас — и палатку поставить, и еду приготовить. Мы же не имели ни минуты покоя: каждого из нас кто-то о чем-то расспрашивал. Бедная Магда металась от одной группы к другой. Общение было столь интенсивным, что мы вскоре неожиданно и для себя, и для других заговорили по-польски.

В то время я — начинающий бард еще не умел играть на гитаре и не специализировался на исполнении своих песен. Пел все, что пелось без какого-либо аккомпанемента: свои песни — "Прощальный марш", "Семеро парней", "Шрам на роже" (авторская песня, возможно, впервые звучала за рубежом) и, конечно, все новинки песенной эстрады. Полякам нравились "раздзекские" песни, и особенно одна, только что прозвучавшая у нас в эфире:

Утки все парами, как с волной волна.

Все девчата с парнями, только я одна

Все ждала и верила сердцу вопреки:

Мы с тобой два берега у одной реки...

Ее приходилось петь по десять раз в день, спрятав подальше свое авторское самолюбие. Подходил, например, какой-нибудь парнишка и говорил:

— Заспите, для пани, пожалуйста, — показывая на очередное прелестное создание с лучистыми глазами, и я пел.

Мы шли в направлении от Варшавы к Люблину. По мере нашего продвижения в "райд" включались все новые и новые группы.

Под Люблином, вблизи поселка Воздвиженец дело, наконец, дошло до соревнований. В них приняло участие большое количество команд: от всех польских воеводств, команда из Германской Демократической Республики и наша — ленинградская. Состав команды — три человека, груз — обязательный набор туристско-

го обихода. Момент старта определялся выдачей карты с помеченными на ней контрольными пунктами спортивного маршрута.

Общих правил соревнований по ориентированию тогда не существовало. Что ни соревнования, то какие-то особенности, держи ухо востро!

Первой особенностью этих состязаний было то, что соревноваться надо было не на скорость прохождения маршрута, а на равномерность хода: пять километров в час. Прощалось отклонение от графика на десять минут в любую сторону. Далее за минуту отклонения начислялось одно штрафное очко: ориентирование-ралли. В таких соревнованиях мы еще не участвовали, и, по-моему, они проводились тогда только в Польше. Для нашей великовозрастной группы с хорошим умением ориентироваться это правило было на руку.

Второй особенностью являлось отсутствие на карте пометки старта и финиша. Получив карту, надо было сориентироваться по окружающей местности и самому поставить точку старта на карте. К карте прилагалась записка, что финиш находится от старта по такому-то азимуту на таком-то расстоянии. Так что если неправильно определишь место старта, то на финиш никогда не попадешь.

И, наконец, в-третьих, на одном из контрольных пунктов предусматривался обязательный десятиминутный отдых. И мы никак не могли взять в толк: входят эти десять минут во временный график или нет? Решили прийти на финиш на десять минут раньше — секунда в секунду: в этом случае мы при любых условиях не выходили за пределы штрафной зоны.

Наш гид — Джута и наша переводчица — Магда впервые с удивлением увидели нас озабоченными. А мы-то помнили, что приехали на соревнования, а не на прогулку. На первые зарубежные соревнования.

Прокурор города Люблина, который шел с нами в одной походной группе, отозвал меня в сторону и заговорщицки сказал:

— Я привяжу белый платок к своему рюкзаку, иди за мной, не заблудишься. — Прокурор, а добрый человек!

Итак, ранним утром мы взяли старт со ступенек еще закрытого сельского ресторана.

Определить место старта не составляло труда: он находился у перекрестка дорог рядом с крохотным прудом, вокруг которого сидели сонные рыбаки с удочками.

Магда, показывая на них и посмеиваясь, изобразила диалог:

— Рыбак, рыбак, ты мыло взял?

— Зачем?

— Чтоб руки помыть, когда дерьмо поймаешь. В приложенной записке сообщалось: "Финиш расположен от места старта на расстоянии 5,4 км, азимут — 74 град.". Оказалось, место тоже характерное, вблизи поселка.

Я был капитаном команды. Выданная карта представляла собой невразумительную копию, на которой средства обозначения предметов местности были отличными от наших карт. Я похолодел, когда узнал: то, что на наших картах обозначает проселочные дороги, то на польских обозначало границы районов. Мы почти собрались бежать по ним!

Приняли простую тактику: бежим легкой рысцой, конечно же, сверяясь по карте с местностью. За полкилометра до контрольного пункта отдыхаем, на КП приходим секунда в секунду в соответствии с установленным графиком. Местность интересная, открытые всхолмленные места чередуются с темными массивами леса. Карта плохая, но ориентироваться легко: все КП бесхитростно расположены у явно выраженных в карте и на местности ориентиров. Порывы Димы приходилось сдерживать, раскрасневшийся Гриша на дистанции не проронил ни слова, но не отстал ни на шаг.

Обязательная десятиминутная остановка была на контрольном пункте, расположенном рядом

с однодомным хутором. Только мы собрались продолжить маршрут после отдыха, как вдруг появилась хозяйка дома с подносом деревянных яств: молоко, сыр, яйца. И все горячее. И бежать надо, и хозяйку обидеть нельзя, она ведь приготовила все это за те десять минут, которые мы отдыхали. И голова у нее повязана платком, как у наших родных сельских женщин. Ее появление, как привет нашей хлебосольной Родины. Обжигаясь, лили молоко, ели теплый сыр, разламывающийся в руках, яйца дожевывали на ходу. А говорят, что поляки нас не любят. Нас не любят политики, а не поляки! Финишировали мы, как задумали.

Долго не было немецкой команды. Руководство серьезно обеспокоилось. Соревнования проходили у юго-восточной границы Польши, вблизи с нашими Карпатами, где фашисты особенно свирепствовали.

Команда доброго прокурора заблудилась. Вскоре после финиша ко мне подошел главный судья соревнований — типичный поляк: статный, смуглый, с усами. Пожав мне руку, он поздравил нас с победой, с первым местом. Был он подчеркнуто вежлив, как бы при исполнении долга, не более того. Больше мы его не видели. Когда дело дошло до награждения, оказалось, что у нас одно штрафное очко, и мы заняли второе почетное место.

Руководство соревнованиями понять можно: как же так, столько польских команд с молодыми ребятами, с прекрасными картами, и вдруг побеждают какие-то веселые переростки из России? Так впервые на моих глазах политика вмешалась в спорт. Надо отдать должное порядочности и мужеству главного судьи, имени которого мы и не благодарные, не запомнили. Зато призы мы могли выбирать любые. Директор местного пивоваренного завода презентовал нам бочонок пива. Кстати говоря, я впервые попробовал там пиво с сиропом — вкусно!

В городе Люблине нашу группу пригласили на радиопроцент с тем, чтобы мы поделились своими впечатлениями о походе, о соревнованиях. Поляки убеждены и всемерно поддерживают мнение, что их женщины — самые красивые в Европе. Вопрос: "А как вам наши девушки — понравились?" — мы слышали не раз и на официальных встречах, и в частных беседах. Прозвучал он, в конце концов, и здесь. С таким вопросом ведущий передачу обратился к нашему руководителю — Григорию Усыскину. А тот — хороший человек, намекая на мою кратковременную отлучку с Джутой, сказал:

— Спросите лучше у Бориса.

Микрофон был поднесен ко мне, и я воскликнул:

— Да! — И хотел патристично добавить: — Но наши — красивее!

Однако в микрофон уже лились комментарии к моему восклицанию. Так я впервые понял, как можно исказить высказывание, не изменяя его. Однако особой обиды в тот момент я не испытывал, так как в беседе принимало участие довольно большое количество действительно симпатичных полячек, знакомых и незнакомых. В конце передачи они попросили меня спеть "Утки все парами...". Это было, наверно, мое первое сольное выступление по радио, а что касается того, что без музыкального сопровождения, — так единственное.

Не успела песня отзвучать, как кто-то из женщин что-то сказал. Я не понял: кто и что, вообще обалдел, так как они все разом поднялись, подошли ко мне и все — девушки и дамы — по очереди поцеловали: и Джута, и Магда, и Данка, и Агнешка! Такое случилось в первый раз в моей жизни и, думаю, не повторится. И, наверно, это была самая высокая награда, которую я заслужил за всю свою песенную карьеру. Бог с ним, с первым спортивным местом.

Б. Полоскин,
мастер спорта по туризму